

Заметки читателя

Мас. 1039₄

высшее призвание человечества. Мы только что познакомились с духовными раз-
витием этих людей, видели, как у
них каждый новый некусь становился
«новой газовой воспитанием». Современный
автор рассказывает нам историю другого
поколения и мы удивились такой выводу:
«Нашему поколению — крышка. Съ этины
жариться нужно».

Вывод — печальный, но история расска-
зана так определенно, что заключение вы-
ходить само собой. Мы говорим о «Раз-
сказе неизвестного человека» — г. Чехова,
окончание которого помещено в мартов-
ской книжке того же журнала. Часть раз-
сказа написана съ несомненным талан-
том. Петербургский чиновник Орлов и
его приятели — живые, яркие типы совре-
менной пошлости и нравственного упадка.
Жерной всего этого становится женщи-
на — страстная, сильная, увлекающаяся.
Ее характер из рассказ полон реал-
изма и жизненной правды. Ее страдания,
ее разочарование въ любимом человекѣ
— представляют настоящую драму. Нью-
терия сценъ въ этой драмѣ производить
сильное впечатлѣніе и остаются въ па-
мяти читателя. Энергично и правдиво на-
писано, напиритѣ, послѣдній разговоръ
Орлова съ Зинаидой Федоровной (или ге-
роиней). Она хватается за послѣднюю на-
дежду — стать чѣм-нибудь въ жизни
эгоиста, которого она до сих пор не
понимаетъ, вѣрѣе чувствуетъ инстинк-
тивный страхъ понять. Она искренне
гордится своимъ самоотверженнымъ раз-
рывомъ съ мужемъ ради любви къ другому,
она не можетъ и представить, чтобы можно
было равнодушно, даже презрительно от-
носиться къ ее поступку. А она — каждое
слово, обращенное къ ней, пропитываетъ
смертельнымъ ядомъ цинизма, ироніи
человѣка, по натурѣ враждебнаго всякому
сильному чувству, всему искреннему, за-
хватывающему... У него только физиче-
ское отвращеніе къ ее слезамъ, характер-
ная трусость пошлая предъ чувствитель-
ными сценами. Отчаянный крикъ: «за
что вы меня мучаете?... За что?
Поймите мои страдания!» обра-
щается его въ бѣгство, и онъ, как под-
лый затравленный волкъ, уходитъ отъ
женщины, переживающей по его вину

страшную агонию...

Весь этот краткій, въ вышней степен-
ни драматическій романъ — художествен-
ное произведение. Но у автора рядомъ съ
этимъ до конца остается point noir, от-
мѣченный нами раньше. «Неизвестный че-
ловѣкъ», другой герой и авторъ рассказа,
въ сущности такъ и остается неизвест-
нымъ. Изъ его вышней истории мы узнаемъ
только, что онъ имѣлъ «изумительныя
походженія», когда-то давно взялъ-было
на себя громадный непосильный трудъ («по-
добно библейскому сызачу, поднялъ на се-
бя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на
вершину горы»), но изнемогъ, — нотомъ
«испыталъ голодъ, холодъ, болѣзни,
лишеніе свободы, личнаго счастья не
зналъ, пріюта у него нѣтъ, воспомина-
нія его тяжки и *совѣсть его ча-
сто бѣгаетъ изъ*»... Мы не знаемъ, что
скрывается за этими выраженіями, но
мысль автора ясна: герой долго изъ-за
чего-то и съ кѣмъ-то боролся и — палъ.
Удивительно, какъ онъ еще началъ борь-
бу, хотя борьба и кончилась сценой Гам-
лета съ королемъ на молитвѣ: герой г.
Чехова не убилъ своего смертельнаго врага,
лишь полную возможность сдѣлать это.
Женщина, которую онъ любилъ, очень
скоро разочаровывается въ немъ и встрѣ-
чаетъ его рассказы о прошломъ такими
закѣчаніями: «Да, было дѣло подѣ По-
лтавой, сударь мой, было»... Съ на-
стоящими героини и мучениками такъ
не обращаются, особенно женщины такого
склада, какъ героиня рассказа. Даль-
ше она окончательно уничтожаетъ героя:
«Ваши прекрасныя идеи, — говоритъ она,
— я вижу, сводятся къ одному неизбеж-
ному, необходимому шагу: я должна сдѣ-
латься вашею любовницею»... И герою
нечего возразить: именно въ любви къ
этой несчастной женщинѣ, — непосред-
ственной, цѣльной натурѣ отъ начала
до конца, — и заключались всѣ его идеи
на этотъ разъ. А раньше? Какая жалость,
что авторъ оставилъ столько недоговорен-
наго, неяснаго, совѣсть неизвестнаго!
Мы узнаемъ человека только въ *періодъ
агоніи* и по ней должны судить, что
лично онъ представитель «нашего по-
колѣнія» и оно должно погибнуть. Въ луч-
шемъ случаѣ мы можемъ предположить,

что этотъ представитель родился и всю
жизнь былъ большимъ человекомъ, «нев-
растенникъ, инелій и пытникъ», жертва
«усталости и переутомленія». Въ расска-
зѣ онъ страдаетъ жестокой чахоткой.
Какъ такой человекъ могъ взять на себя
«Газскія ворота» и во имя чего нести
ихъ «на высокую гору» — трудно и пред-
ставить. Все это неопредѣленные намеки,
туманныя тѣни рядомъ съ другимъ ге-
роемъ рассказа — типомъ дѣйствительно
современнымъ, живымъ изображеніемъ
безпринципнаго вивѣра.

«Я не вѣрю, утопился, палъ духомъ»,
— говоритъ «неизвестный человекъ», ко-
гда-то вѣрившій, и прибавляетъ, что «трудно
сознаваться въ своемъ банкротствѣ». Другому
герою рассказа необыкновенно
легко. Орловъ даже не щеголяетъ своимъ
цинизмомъ и невѣріемъ: онъ для него
органически-необходимыя и исторически-
цѣлесообразныя явленія. Онъ съ особен-
ной убѣдительностью раскрываетъ влю-
бленной женщинѣ глаза на свою пош-
лость: «Вы воображали, что я герой и
что у меня какія-то необычайныя идеи и
идеалы, а на повѣрку-то вышло, что я
самый заурядный чиновникъ, картесиникъ и
не имѣю пристрастія ни къ какимъ
идеямъ. Я достойный отпрыскъ того са-
маго гнилаго свѣта, изъ котораго вы бѣ-
жали, возмущенная его пустотой и пош-
лостью. Сознайтесь же и будьте справедли-
вы: негодуйте не на меня, а на себя,
такъ какъ оплѣбавъ вы, а не я».

Виновать, слѣдовательно, идеализмъ, а
не безсміе пойти ему на встрѣчу. Орловъ
постоянно въ ироническомъ настроеніи:
иронія — для него громоотводъ противъ
всѣхъ идей. Его очень мѣтко сравнива-
ютъ съ дезертиромъ, «который позорно
бѣжалъ съ поля битвы, но, чтобы заглу-
шить совѣсть, смѣется надъ войной и
надъ храбростью». И Орловъ покоится и
счастливъ, замкнутый въ своемъ циниз-
мѣ. Таковъ другой представитель «нашего
поколѣнія».

Общій смыслъ ясенъ: наши современ-
ники — или немощные духомъ и плотью
мечтатели, или пошлые эгоисты. Однихъ
борьба за идею разбиваетъ въ прахъ,
другіе — заранее смѣются и надъ борьбой
и надъ идеей. Наше время, — истончаетъ

изъ разсказа,—до такой степени жалко, что откровенная пошлость пожалуй болѣе жизненное явленіе, чѣмъ художничій, осужденный на отступничество идеализмъ. Фактъ—ужасный. У автора находится одно лишь утѣшеніе, въ сущности ничего отраднаго не заключающее: такъ видно угодно судьбѣ, и впредь будетъ лучше. А что дурно настоящее, то на это есть, «надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія биологической свой солидный *raison d'être*».

Но, какъ бы то ни было, идеализмъ, кровавый идеализмъ, если такъ можно выразиться, мы, къ счастью, все еще находимъ и не только въ литературѣ, а въ дѣйствительности,—идеализмъ почвенный, недостижимый ни для пропіи, ни для непрастѣнія. И это вовсе не безпредметное нареніе въ заоблачныя выси: напротивъ,—человѣкъ зоветъ насъ на самую грубую грязную землю и здѣсь заставляеть вѣрять и въ человѣка и въ идею. Для доказательства мы возьмемъ одну изъ статей, напечатанныхъ въ февральской книгѣ *Русскаго Богатства*. Журналъ, кстати сказать, за послѣдніе три мѣсяца значительно расширилъ свой объемъ. Содержаніе февральской книжки разнообразно и интересно. Назовемъ статьи гг. Н. Михайловскаго («Русское отраженіе французскаго символизма»), М. Ковалевскаго («Брестянское хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ»), В. Семевскаго («Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ примскахъ»), беллетристическія произведенія гг. Гарина, Засодимскаго. На этотъ разъ скажемъ нѣсколько словъ объ очеркахъ г. Короленко «Въ голодный годъ», начатыхъ въ февральской книгѣ журнала. Очерки частью были напечатаны въ *Русскихъ Ведомостяхъ*,—теперь они являются въ болѣе полномъ, законченномъ видѣ. Прочтите эти простые, строго правдивые разсказы,—и вы поймете разницу между настоящей борьбой и вѣрой и «изумительными похождениями» чеховскаго героя. Авторъ изображаетъ явленія, близко напоминающія печальныя картины въ интеллигентномъ «нашемъ поколѣніи»,—только въ другой средѣ. Здѣсь нѣтъ ни неврастѣнія, ни отступничества: эти недуги народу невѣдомы. Бѣдствіе, постигшее нашу стра-

ну, всею тяжестью обрушилось на деревню, и вотъ «присмирѣли, все присмирѣли подъ гнѣвомъ Господнимъ... Потускнѣлъ народъ, иной разъ и сморѣть-то жалко»... Замѣчательно, что и здѣсь не знаютъ настоящей причины бѣдствія. «Воля, генеральное мѣшеваніе, винниче, телеграфная проволока»—вотъ обычныя деревенскія объясненія всѣхъ бѣдъ,—и даже «любой унывленный человекъ» не сумѣетъ сказать что-либо болѣе связаное. Рядомъ съ этимъ—«глубокая рознь, разъѣдающая деревенскій миръ»,—и застой даже въ обычной практической жизни крестьянъ, слѣди крѣпостническаго прошлаго...

Всѣ эти далеко не идеальныя явленія съ особенной яркостью сказались именно теперь. Въ наше время, по мнѣнію автора, должно исчезнуть «полумистическое представленіе о какомъ-то особенномъ народномъ «уладѣ», гдѣ богатый или средній членъ общины охотно и сознательно беретъ на себя бремя своего немущаго собрата». Голодъ обнаружилъ крайнюю нестрѣту деревенскихъ интересовъ и стремленій.

Авторъ все это знаетъ—и берется за перо не издали, не среди творческихъ художественныхъ образовъ, а въ деревенской избѣ «набрасываетъ торопливныя строки»—о фактахъ менѣе всего беллетристическихъ и художественныхъ. Онъ хочетъ говорить о «сѣрой мужицкой жизни»—исключительно затѣмъ, чтобы на нѣтъ понять «неотвязные вопросы», по возможности разсѣять «туманные призраки», такъ часто окутывающіе взоръ людей, не видящихъ ничего дальшаго случайностей. Онъ заранее хочетъ считаться со всѣми отрицательными явленіями, не закрываетъ глазъ на деревенскую темноту, эгоизмъ, раздоръ, обманъ, будетъ разсказывать только «встрѣчи и впечатлѣнія»,—и онъ увѣренъ, что именно этой правдой онъ разсѣетъ навѣты и возжелѣнія враговъ новой народной жизни... Вотъ это дѣйствительно вѣра и идеализмъ, необходимыя какъ сама жизнь. Въ слѣдующій разъ мы вернемся къ очеркамъ г. Короленко.

Ив. Ивановъ.